

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Д. И. ГУЛИА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АХԶАТӘИ ЖӘЛАРБЖЪАРАТӘИ АԢСУА
АРХЕОЛОГИАТӘ КОНФЕРЕНЦИЯ

ТРЕТЬЯ АБХАЗСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Посвящена памяти Г. К. Шамба

Проблемы древней и средневековой
археологии Кавказа

Материалы конференции, 28 ноября – 1 декабря 2011 года, г. Сухум

СУХУМ
2013

УДК 902/904
ББК 63.443(531)я431
Т 66

Редакционная коллегия:

к.филол.н. В. Ш. Авидзба, А. С. Агумаа (†) (отв. секретарь), д.и.н. О. Х. Бгажба, к.и.н. А. Н. Габелия,
к.и.н. А. И. Джогуа, к.и.н. М. Т. Кашуба (отв. ред.), к.и.н. С. Ш. Салакая,
к.и.н. А. Ю. Скаков (отв. ред.), д.и.н. В. Р. Эрлих

Утверждено к печати Ученым Советом ИИМК РАН и Ученым Советом
АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА, рекомендовано к печати Ученым Советом ИА РАН

Рецензенты:

д.и.н. Л. Б. Кирчо, к.и.н. В. Ю. Малашев, к.и.н. А. А. Клещенко, к.и.н. А. К. Аликберов

Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы. – Сухум: ИИМК РАН; АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА; РУП «Дом печати», 2013. – 396 с. : ил.

ISBN 978-5-201-01239-7

В настоящем издании публикуются материалы Третьей Абхазской международной археологической конференции «Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа», посвященной памяти доктора исторических наук, академика Академии наук Абхазии Георгия Кучовича Шамба. Труды этого замечательного ученого вошли в золотой фонд археологической науки Кавказа и всей Евразии. В докладах конференции и публикуемых материалах не только развиваются на современном научном уровне направления исследований, входивших в область научных интересов Г. К. Шамба, но также представлены новейшие археологические открытия, анализируются дискуссионные проблемы археологии Кавказа и евразийского пространства. Отдельное внимание уделяется проблемам охраны археологического и культурно-исторического наследия.

Сборник предназначен для археологов, этнографов, историков, студентов и широкого круга читателей, интересующихся археологией и историей Абхазии, Кавказа и Евразии в целом.

УДК 902/904
ББК 63.443(531)я431

ISBN 978-5-201-01239-7

- © Федеральное государственное учреждение науки
Институт истории материальной культуры
Российской академии наук, 2013
- © Абхазский Институт гуманитарных исследований
им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, 2013
- © Федеральное государственное учреждение науки
Институт археологии
Российской академии наук, 2013
- © Федеральное государственное учреждение науки
Институт востоковедения
Российской академии наук, 2013
- © Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2013

* Работы проводились в рамках совместного проекта РГНФ и АН РА «Эшерское городище – ключ к Древней Диоскурии», проект № 10-01-18142е/А.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кошелев И. Н. Магнітна розвідка археологічних пам'яток. Київ. 2004.
- Шамба Г. К. Эшерское городище (основные результаты археологических раскопок 1968, 1970–1977 гг.). Тбилиси. 1980.
- Becker H. and Fassbinder J. W. E. Magnetometry of a Scythian settlement in Siberia near Cichah in the Baraba Steppe 1999 // Archaeological Propection. 3rd International Conference on Archaeological Propection. September 1999, Munich. München. 1999 (Arbeitshefte des Bayerischen Landesamtes für Denkmalpflege, vol. 108).
- Garrison E. Physics and Archaeology // Physics Today. 2001. No 54.
- Seeing the unseen. Geophysics and Landscape Archaeology / Eds. S. Campana, S. Piro. London. 2009.

О ГЕНЕЗИСЕ АПСИЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТРУДАХ Г. К. ШАМБА

А. И. Джоуа, В. А. Ньюшков (г. Сухум)

Исследовательская деятельность Г. К. Шамба как археолога началась с 1962 г., когда он поступил в очную аспирантуру Института археологии и этнографии АН ГССР, уже являясь на тот момент научным сотрудником Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Руководил тогда институтом Х. С. Бгажба. Именно он, после состоявшейся в 1960 г. в Пицунде беседы с М. М. Трапш, пригласил будущего ученого Г. К. Шамба в Абхазский институт. Здесь же надо отметить, что первая встреча студента Сухумского Педагогического института Г. К. Шамба с М. М. Трапш произошла в 1954 г., когда тот читал курс лекций по истории археологии.

Г. К. Шамба, будучи аспирантом, стал одним из участников археологической экспедиции М. М. Трапш. В состав экспедиции вместе с ним входили В. Б. Ковалевская, М. М. Гунба, Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба и В. Орелкин. Ими было открыто пять могильников в селе Цебельда (Цабал) – Ахаччарху, Ахьацараху, Абгыдзраху, Ауахуамаху и Алраху (Шамба, 1978. С. 4–5). Плодами работы Г. К. Шамба в Цебельде стала защищенная им кандидатская диссертация «Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху» (Шамба, 1966). Основные положения диссертации нашли отражение в статье «Позднеантичные погребения нагорной Абхазии» (Шамба, 1965. С. 262–266) и в монографии «Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии» (Шамба, 1970).

Таким образом, могильник Ахаччарху, расположенный в двух км от центра с. Цебельда, занимая западный склон горы Апианча, стал для Г. К. Шамба главным историческим объектом для исследования древнего населения Цебельдинской долины. Сделанные им выводы пролили свет на многие стороны жизни людей, населявших эту часть древней Апсильи: сельское хозяйство и ремесленное производство, торгово-экономические связи, военное дело, религиозные верования и т. д.

В этих ранних работах исследователя апсильская культура предстает как общество со сформировавшимся хозяйственно-культурным типом. Называя ее апсильской (апсильской) культурой, Г. К. Шамба стремился показать ее принадлежность к одной этнической группе и, в то же время, представить ее как общую для всего древнего населения, проживавшего на территории значительной части Западного Закавказья, особенно в горной зоне.

Не случайно автор исследования обратился именно к этой теме. Так, если памятники эпохи античности прибрежной полосы всего Восточного Причерноморья давно привлекали вни-

мание исследователей, то памятники нагорной части региона оставались малоизученными. В частности, в предисловии к своей первой книге «Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии» Г. К. Шамба отмечает: «Значение археологического исследования выбранной нами нагорной полосы для древней истории коренного населения трудно переоценить: во-первых, данные письменных источников в целом для Абхазии скудны и противоречивы, что обуславливает особую важность исследования археологических памятников; во-вторых, культура прибрежных поселений, благодаря своей близости к морскому пути, сильно подверглась иноземному (греко-римскому) влиянию, и, следовательно, ее самобытность менее уловима, тогда как в культуре населения нагорной полосы местные черты дольше сохранялись, и это дает возможность проследить насколько глубоки корни культуры местного населения» (Шамба, 1970. С. 5). Далее, развивая тему происхождения населения цебельдинского района, который, судя по археологическим данным, был густонаселенным в древности, исследователь справедливо отмечает, что «здесь выявлены различные категории исторических памятников – от нижнего палеолита до средневековья включительно» (Шамба, 1970. С. 7).

Как свидетельствуют археологические данные (наряду с лингвистическими и этнографическими) население, проживавшее на рассматриваемой территории, относилось к абхазо-адыгской этноязыковой группе. По мнению Г. К. Шамба, «скорее всего на всем протяжении Восточного Причерноморья в то время проживало этнически довольно однородное общество, состоявшее из союза больших племен» (Гунба, Шамба, 2001. С. 30). «В пользу общности культуры говорят также единообразные поселения с текстильной керамикой вдоль всего Восточного Причерноморья», начиная от Трабзона до Сочи-Адлерского района, которые известны и как «дюнные поселения» солеваров, занимавшихся выпариванием соли из морской воды до VI в. до н.э., т. е. до прихода в эти земли древних греков, завозивших более дешевую соль. О том же свидетельствуют и бронзовые топоры колхидского типа, происходящие из различных мест Сочи-Адлерского р-на (Музей истории г. Сочи). Все это указывает на то, что колхидская культура широко распространялась к северо-западу. «Скорее всего, – писал Г. К. Шамба, – создателями этой культуры могли быть гениохи» (Гунба, Шамба, 2001. С. 31). И такое утверждение вполне выглядит оправданным, учитывая ареал, как самой культуры, так и ее носителей – гениохов. Опираясь на сведения обширных письменных источников, можно увидеть, что гениохи были разбросаны на довольно большой территории – от северо-западных до юго-восточных районов Причерноморья (Шамба, 2000. С. 153). «Древнейший ареал гениохов выявляется с помощью данных Аристотеля и Помпония Мелы, заимствованных из ионийских источников и сообщающих, что эллинские апойкии Фасис и Диоскуриада были основаны на земле гениохов. Более поздняя традиция помещает «потесненных» колхами гениохов северо-западнее Диоскуриады и Питиунта (Псевдо-Скилак, Артемидор Эфесский, Страбон и др.) примерно до района нынешнего Туапсе» (Воронов, 1998. С. 30).

По материалам из села Ачандара в Гудаутском р-не и из других синхронных памятников Абхазии (Сухумская гора, Гуадику, Красный маяк, Эшера, Бамбора и др.), как считал Г. К. Шамба, «нетрудно заметить, что жители этих краев еще в середине I тыс. до н.э. по своему имущественному положению не уступали соседям, в том числе, жителям центральной Колхиды (Вани, Сачхери, Пичвнари), а в военном деле даже превосходили последних. В то же время археологически фиксируемая общность погребального обряда и инвентаря могильников позволяет говорить об этнической, стало быть, языковой общности жителей Абхазии того времени» (Шамба, 1996. С. 54).

Подробнейшим образом исследуя археологический материал из захоронений в Западной Грузии, раскопанных еще в 40-х гг. XX в. под руководством грузинской исследовательницы Н. Хоштария (она считала, что в I в. н.э. на территории от Чхороцку до Цебельды проживали апсилы), М. М. Трапш пришел к выводу, что «апсильская культура обнаруживает связь с пред-

шествующими ей культурами (колхидской и кобанской). Такая связь прослеживается в законечниках копий, фибулах, очкообразных подвесках, шейных гривнах, браслетах, пифосах и т. д.» (Трапш, 1971. С. 213). С этим утверждением был полностью согласен и Г. К. Шамба. «Так, раскопки памятников Апсилии (I–VII вв. н.э.) показали, что основные руководящие формы этой вновь открытой культуры по существу есть почти повторение (или реплика) местных изделий более раннего периода, т. е. эпохи поздней бронзы – раннего железа» (Шамба, 2005а. С. 41), включая сюда и обрядность.

В своей ранней монографии «Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии» исследователь относил его «к числу двухобрядных, т.е. здесь представлено два способа захоронения – через трупосожжение и трупоположение». Более того, «обряд трупосожжения прослеживается у местного населения с эпохи бронзы», и его бытование, по мнению Г. К. Шамба, связано с различиями в верованиях, но не имеет никакого отношения к этническим различиям. Подобный обряд отмечен именно в Абхазии с древнейших времен (по крайней мере, с III тыс. до н.э.) до позднего средневековья. В результате, на основании анализа погребального обряда могильника Ахаччарху, Г. К. Шамба установил, что «жители древней Цебельды, проживая в одном и том же месте, ведя один и тот же образ жизни, пользуясь одними и теми же предметами материальной культуры и, что главное, владея общим кладбищем, не могли быть разноязычными, а скорее всего здесь мы имеем дело со смешанными культурами двух традиций одного этнического массива, причем число приверженцев кремационного обряда незначительно» (Шамба, 1970. С. 13–18). Как писал и З. В. Анчабадзе, «мы можем в данном случае говорить не об этнических различиях, а о различии в вероисповедании» (Анчабадзе, 2010. С. 217).

По сей день, в сохранившихся и сегодня родовых некрополях, повсеместно распространенных в Абхазии, погребение производится по религиозному признаку. Так, на одном родовом кладбище умершие могут быть похоронены и по христианскому, и по мусульманскому обряду, а также по языческому, традиционному. Как отмечал Г. К. Шамба, «тем самым опровергается мнение, существовавшее в специальной литературе, якобы в Цебельде и ее окрестностях трупоположение и трупосожжение располагались независимо друг от друга отдельными очагами, и что кремация присуща только апсилам, а ингумация – колхам» (Шамба, 1970. С. 17).

Как известно, одним из самых древних ремесел было гончарное дело. Керамика появилась на территории Абхазии в эпоху неолита (VI тыс. до н.э.), впоследствии широко распространившись в быту местного населения. Не исключением были и древние жители округа могильника Ахаччараху. Среди представленного здесь погребального инвентаря массовой находкой являлась керамическая посуда – кувшины, амфоры, пифосы, горшки и тарелки. В частности, Г. К. Шамба обратил внимание на то, что цебельдинская керамика, а именно ее «формы сосудов и их орнамент (тонкий волнистый узор) напоминают местные кувшины, происходящие из раннеэллинистических могильников Прибрежной Абхазии (Эшера, Очамчир)», что, по его мнению, «позволяет говорить о возможности преемственной связи позднеантичной культуры с культурой более раннего этапа» (Шамба, 1970. С. 31). Далее автор отмечал: «Сравнительный материал показывает, что позднеантичная керамическая посуда Цебельды по своему чашечкообразному венчику, служившему в качестве воронки, и по деталям орнамента не имеет себе аналогий среди известных нам глиняных изделий древности по всему Кавказу. Это дает нам основание вслед за М. М. Трапшем выделить памятники типа цебельдинской в особую археологическую культуру в истории позднеантичной и раннесредневековой Абхазии» (Шамба, 1970. С. 74). Г. К. Шамба некрополь Ахаччарху, на котором было исследовано 45 погребений, по способу захоронения и могильному инвентарю отнес к числу «позднеантичных памятников Цебельдинской культуры», т.е. к II–V вв. н.э. (Шамба, 1970. С. 69).

Как справедливо считал М. М. Трапш, наиболее важной и специфической особенностью цебельдинской культуры, четко выделявшей ее из всего окружения и указывающей на ее

самостоятельный характер, являлась определенная группа керамической посуды, а также железные топоры, указывавшие на локальную особенность цебельдинской культуры, что, в свою очередь, «позволяет отделить ее от других одновременных ей соседних культур Кавказа I–V вв. н.э.» (Трапш, 1963. С. 258). Дальнейшими своими исследованиями Г. К. Шамба полностью подтвердил данный тезис. На основе анализа погребального инвентаря им было доказано местное происхождение керамической посуды (в частности, цебельдинских амфор с чашечкообразными венчиками), оружия и орудий труда (мечи, наконечники копий, топоры и ножи). Присутствие однолезвийного меча среди изделий IV–V вв. н.э. в погребальных комплексах Ахаччарху свидетельствует, что «население нагорной части Абхазии было знакомо с этим видом оружия на самом раннем этапе его возникновения, когда, как известно, двухлезвийность меча стала излишней и появились первые однолезвийные мечи, являющиеся переходной формой между двухлезвийным мечом и саблей» (Шамба, 1970. С. 40).

Здесь же следует подчеркнуть и автохтонность цебельдинской культуры, отличающейся целым рядом совершенно неповторимых черт, отсутствующих или нехарактерных для любой другой области за пределами Абхазии. Так, более подробно остановившись на анализе истории апсилов и их культуры в своей полемика работы, включающей критический анализ статей М. В. Барамидзе и М. П. Инадзе, Г. К. Шамба, в частности, отметил (в ответ на замечания М. П. Инадзе по поводу сильного влияния лазов на культуру и язык апсилов), что «в развитии материальной культуры среди племен Кавказского Причерноморья выдающихся успехов добились апсило-абазгские племена». Исследователем совершенно справедливо было отмечено, что «апсильская культура, как весьма самобытная, продолжала процветать вплоть до VIII в., после чего закономерно вливалась в единую абхазскую этнополитическую и экономическую общность» (Шамба, 2005б, С. 92). Несмотря на то, что главным носителем позднеантичной и раннесредневековой цебельдинской культуры было племя апсилов, по мнению Г. К. Шамба, «судя по единичным находкам (топоры, фибулы), отдельные элементы Цебельдинской культуры присущи и другим племенам, в частности, абазгам, мисимианам и санигам, ставшим затем одним из компонентов абхазской феодальной народности» (Шамба, 1970. С. 80).

Таким образом, генезис апсильской или же цебельдинской культуры, ибо эти два понятия равнозначны для наименования данной культуры, в работах Г. К. Шамба был продемонстрирован путем анализа глубоких исторических корней древнеабхазского племени апсилов. Это Г. К. Шамба удалось сделать на высоком профессиональном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анчабадзе З. В. Избранные труды в двух томах. Сухум. 2010. Т. 1.
- Воронов Ю. Н. Древняя Аpsилия. Источники. Историография. Археология. Сухум. 1998.
- Гунба М. М., Шамба Г. К. История Абхазии с древнейших времен до XX века. Сухум. 2001.
- Трапш М. М. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960–1962 гг. // Тр. АБИЯЛИ им. Д. И. Гулиа. Сухуми. 1963. Т. 33.
- Трапш М. М. Культура цебельдинских некрополей // М. М. Трапш. Труды. Тбилиси. 1971. Т. 3.
- Шамба Г. К. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии // СА. 1965. № 2.
- Шамба Г. К. Население Нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху (по археологическим материалам некрополя Ахаччархва): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси. 1966.
- Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми. 1970.
- Шамба Г. К. Михаил Трапш. Жизнь и деятельность. Сухуми. 1978 (на абхаз. яз.).
- Шамба Г. К. Новые археологические материалы из Ачандара // Актуальные проблемы истории народов Кавказа: Мат-лы научн. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. З. В. Анчабадзе. Сухум. 1996.
- Шамба Г. К. Абхазия в I тыс. до н.э. Сухум. 2000.

Шамба Г. К. Древний Сухум (поиски, находки, размышления). Сухум. 2005а.

Шамба Г. К. Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племен в сборнике грузинских авторов («Разыскания по истории Абхазия / Грузия». Тб., 1999) // Вестник АНА. Сухум. 2005. № 1.

ХРОНОЛОГИЯ ЦЕБЕЛЬДИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (II–VII вв.)

М. М. Казанский (г. Париж), А. В. Мастыкова (г. Москва)

Культура древних апсилов в римское и раннесредневековое время, получившая название цебельдинской, известна, в первую очередь, благодаря раскопкам больших некрополей (Трапш, 1971; Воронов, 2003; Voronov, 2007). В данной работе, на базе типологии и датировок абхазских древностей, разработанных О. А. Гей и И. А. Бажаном (Гей, Бажан, 1997), нами предложена уточненная хронология цебельдинской культуры (II–VII вв.), модифицированная в соответствии с датами центрально- и западноевропейских, а также северопонтийских древностей (Kazanski, Mastykova, 2007. P. 20–25). При этом абсолютная хронология стадий I–III достаточно точно определяется по разработанным датировкам древностей европейского Барбарикума и римских провинций, где имеется большое количество параллелей абхазскому материалу (см. Godlowski, 1970; Tejral, 1986; 1988; 1997; и др.).

Стадии I/1 (170/200–260/270 гг.) и I/2 (260/270–330/340 гг.) характеризуются распространением лучковых одночастных фибул группы I¹⁵, с верхней тетивой (рис. 1, 7, 9–10), а также подковообразных фибул (рис. 1, 5), пряжек с прогнутым язычком (рис. 1, 4), круглых ажурных блях, имитирующих римскую воинскую гарнитуру (рис. 1, 12), стержневых браслетов с расширенными концами и гравированным орнаментом (рис. 1, 8), луновидных подвесок (рис. 1, 14), коротких мечей с долом (рис. 1, 1) и длинных мечей типа 2-1-1 (рукоять переходит к клинку под тупым углом) (рис. 1, 2), листовидных копий с нервюрой вдоль наконечника (цебельдинский тип 1) (рис. 1, 6), топоров цебельдинского типа 1-1, с удлиненным обухом (рис. 1, 3), наиболее ранних умбонов щитов (Шаумяновка – рис. 1, 16), пифосов с ребром (рис. 1, 11), мисок на ножке (рис. 1, 15), кувшинов с туловом, расширенным в верхней части (тип 5) (рис. 1, 13).

На стадии I/2 появляются грибовидные янтарные подвески (рис. 1, 18), овальные пряжки с расширением в передней части рамки и сравнительно коротким профилированным язычком (тип 3) (рис. 1, 19), лучковые фибулы группы II (рис. 1, 24), профилированные фибулы (рис. 1, 25), которые получают наибольшее распространение уже в следующей стадии, прямоугольные железные пряжки (рис. 1, 17), ременные обоймицы с круглой рамкой (рис. 1, 20), овоидные и усеченно конические кубки с отогнутым краем (рис. 1, 22–23), приземистые кувшины с туловом, раздутым в нижней части (тип 2) (рис. 1, 21).

Начало **первой стадии** приходится на конец II–первую треть III в., о чем свидетельствуют характерные для этого времени одночастные лучковые фибулы, «солдатские» ажурные бляхи и луновидные подвески – эти вещи исчезают к середине III в. Конец стадии совпадает по времени с первой половиной IV в., когда бытуют римские овоидные стеклянные кубки с отогнутым краем. Некоторые пряжки этой стадии (рис. 1, 19) по центральноевропейским и северопонтийским аналогиям могут быть датированы второй третью IV в. Янтарные грибовидные подвески существуют как в III в., так и в IV в. (рис. 2, 7). В европейской хронологии стадия I соответствует фазам C1 и C2 (160/180–250/270 и 250/260–300/320 гг.).

На стадии II/3-4 (320/330–400/410 гг.) распространяются лучковые фибулы групп II-2 и II-3, с нижней тетивой (рис. 2, 14), в том числе с богатой инкрустацией (рис. 2, 13), фибулы с подвязной ножкой т.н. лебязьинской серии (рис. 2, 16), а также основная масса профили-

¹⁵ Здесь и далее типология дана по Гей, Бажан, 1997. С. 10–17, с модификациями по Kazanski, Mastykova, 2007. P. 25–53.